

ВЛАДИМИР ПСАРЕВ

*Совершенная
Одержимость*

*Не
Источает
Яд*

16+

Владимир Евгеньевич Псарев
Совершенная Одержимость
Не Источает Яд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64030827

SelfPub; 2021

Аннотация

Только самые великие из нас способны самостоятельно выбирать себе ошейники.

Владимир Псарев

Совершенная Одержимость Не Истокает Яд

У людей – как у людей. Ровные ряды идеальных биологических организмов, чью индивидуальность размыло цифровое пространство, а копнешь поглубже, пообщаешься неформально на даче за городом и видишь, что все несколько сложнее. А насколько сложнее? Уже проявляются типажи. Но их тоже немного. Получается, что каждый, кто считает себя индивидуальным и значимым, тоже лишь типаж, с которым все понятно? Человеку свойственно себя выделять – это основа выживания.

А на чем базируются эти типажи? На привязанностях, на отношении к ним и на способности принимать непопулярные решения. Лишь великие способны самостоятельно выбирать себе ошейники. Хотя психиатры считают, что ничего особенного тут нет – все это лишь наборы психотравм. Но идентичные их наборы тоже составляют типажи? Так, стоп. О чем это я?

Частный сектор маленького городка вдали от прелестей

развитой цивилизации. В городке есть улицы и покрупнее, застроенные панельными пятиэтажными домами, и домами двухэтажными, но кирпичными. А есть такие, где по вечерам в пустоту лают собаки, куда привозят большими машинами дрова, и где после полуночи невозможно обнаружить свет в окнах. Признаться, такие улочки есть и на окраинах мегаполисов, и те, кто там жили, знают, о чем идет речь.

Заходишь в соседский двор, где люди собрались по случаю увеличения или уменьшения количества своей родни, и всех тут знаешь:

– Да помню тебя я, Саня. Большой уже совсем!

И тебя тут помнят. Во дворе новый навес для машины, и крыльцо наконец достроили. А груша как выросла!

– Я сажал ее, Саня, ты и не помнишь. Спроси у родителей фотографии.

Наливают штрафную, наливают вторую по расписанию, а от третьей лучше отказаться, а то демоны прошлого проснутся. Крыльцо достроили, а гараж просел:

– Говорил же вам, чтоб не лили прямо в землю, – сетует кто-то.

Странные ощущения, словно сидишь на похоронах собственной юности. Неожиданно появляется девушка, которая когда-то сидела у тебя на коленях. Когда-то в прошлой жизни. Светлые волосы, зеленые глаза, унаследованные по материнской линии. Отец у нее татарин, твердый и уверенный, хозяин дома, так тебя уважающий, а ей твоя душевная тяга

оказалась не нужна. Не нужна ей твоя полная мощность. Ни в кредит не нужна, ни до востребования. Помочь уже сложно. Она твоя зависимость, и ты, довольный, что отказался от третьей, встаешь и вышагиваешь за двор, чтобы не терпеть на себе ее взгляд, которого теперь боишься. А помнишь, как не хотел, чтобы она отводила его? Так и гараж когда-то стоял прямо. Просто не надо было лить прямо в землю.

Шагаешь по обочине наспех отремонтированной дороги. Под ногами пыль – точно та же, что и стопку лет назад, и вот уже жалеешь, что от третьей отказался. От зависимости до зависимости один взгляд. А пыль вьется и вьется, словно напоминая, что кроссовки за эту эпоху стали дороже, но мыть их все равно придется. Заборы выцвели, или они всегда такими были, просто юность – самое яркое? Кто теперь разберет? Теперь уже не заглянуть. Тебе семь лет, и ты мечтаешь стать космонавтом, чтобы покинуть Землю. Но улететь не получается, и вот ты уже пьяный обсуждаешь с друзьями, как тут не спиться.

Частный сектор. Тут отцы, бросившие своих детей, пьют на кухнях, и сетуют, что патриарх на троне, наслаждающийся своей осенью, тоже их бросил. Но это другое – вам не дано понять. Надо взять и кого-то покарать. А кого? Уже неважно.

Лишь самые великие способны выбирать себе ошейники. Но и сегодняшний день – не предел. Пройдет еще столько же, и станет совсем смешно или абсолютно грустно уже от воспоминаний, которые пишутся прямо сейчас. И ты снова

будешь твердить себе, что нельзя было лить прямо в землю. Помочь невозможно.

И вот ведь чертова жизнь – действительно стало весело. Теперь ты заведующий никому ненужным отделом очень нужной всем корпорации. Сидишь на этаже с номером откуда-то с самого конца простой таблицы умножения. За стеклом затухающий Петербург – город мечты. Он очень легко дался, даже слишком. Последний сотрудник отдела собирается домой, а ты сидишь, как прикованный к своему стулу, перебираешь что-то белое с черным.

С тобой прощаются. Ты чуть ли не моложе всех здесь, но всеми руководишь – повезло. Тебе помогли, а им нет. Но хоть где-то повезло. У подчиненных тоже миллион проблем, но они лишь подчиненные. Зависимые и одержимые своей зарплатой, а тебе на все хватает и тебе начхать. Менеджер среднего звена. Что-то тебе тогда давно подсказало, что нужно двигаться дальше и браться за дело. Теперь ты можешь желать чего угодно, но есть вещи, которые находятся в ведении людей, которым на тебя плевать. Но ты об этом не думаешь и редко вспоминаешь прошлое – настоящее и без того достаточно комфортно, да и все триггеры далеко, не так ли?

Гасишь верхний свет, оставляя только свою настольную лампу, и любишь Финским заливом Балтийского моря. Лист ложится на лист, подпись копирует подпись. Ручка жадно выискивает на бумаге ошибки, но не находит их, и ты

снова оставляешь свой след внизу страницы. Дата и подпись чуть пониже знака копирайта:

– А они ничего у меня, – хвалишь своих сотрудников.

Завтра все эти бумаги на подпись следующему звену пищевой цепочки прямо на этаж, номера которого уже нет в таблице умножения. Как хорошо, что эту стеклянную "свечу" в полкилометра высотой построили – теперь Питер хоть что-то уродует. А то, право, это было совсем неприлично – сплошная духовность. Но молодежи и это понравилось. Окей, бумер.

Где-то вибрирует телефон. Искать его не хочется, но ты ищешь. Номер на дисплее неизвестен, только вот до боли знаком. То ли регион родной на том конце, то ли память обманывает. На часах уже полночь, а ты и не заметил за своими очень важными бумажками, как потерял надежду на здоровый сон. Опять отсыпаться в свой выходной до самого вечера, а потом не иметь возможности заснуть вовремя, чтобы начать новую неделю со сбитого режима и мешков под глазами.

– И чего вам не звонится днем? – негодуешь ты. – Ах, да, кажется, я понял.

Нервничаешь, что не менял номер еще с тех времен, когда сидел за партой, и теперь тебя, большого и важного, беспокоят люди, уменьшившиеся за давностью лет до размеров твоего модного пресс-папье.

Пару лет назад ты бы и не поднял трубку на звонок той,

которую так долго пытался забыть. И как можно помнить чужой номер десятков лет спустя? Сознание сохранило его, чтобы никогда больше не отвечать. Но время лечит, и теперь можно о чем-то поговорить. Не о важном, а просто. Хотя кто она такая – на том конце? Сразу заяви ей, что ничего возвращать не нужно, а то никто не поймет. Она думает, что ты поведешься? Ты уже совсем не тот человек, и вдруг стал интересен. Потому что изменился? Послать бы, но ты будешь вежливым.

Телефон вибрирует на ладони. Нужно собраться и поднять трубку. Как много вопросов проскочило в голове всего за пару секунд. Главное сейчас не подавать виду, что тебя что-то задело. Говори уверенно и будто без единого повода – дежурным тоном начальника. Время, место и объем поставки – все по протоколу. А-то возомнит о себе.

– Да, я слушаю, – спрашиваешь у телефона.

В трубке звучит голос Бога. Он пробивается сквозь годы, города и постоянные вопли чужих женщин, но слышно его как никогда отчетливо. И вот уже вся спесь пропала. И спорить не о чем, и доказывать некому.

– А, ты ошиблась? Ну, ты звони – ты всегда вовремя.

Кладешь телефон на место и одним пальцем покачиваешь пресс-папье. Тяжелый кусок бронзы словно маятник заворачивает, размывая все, что за ним, чтобы ты не отвлекался от своих мыслей.

"План Даллеса провален. План Путина провален. Голос

совести заглушают ирония Шендеровича и горечь Познера, и идти в наушниках по рельсам теперь безопаснее, чем показать паспорт гвардейцу где-то на Тверской. Кремль ждет шамана с востока, а я, не надеясь на завтра, пью портер в сквере у Казанского и читаю Кафку. И лишь ты, глядя в мои пьяные глаза, словно сыр-косичка, не сопротивляешься судьбе, соединившей нас, как неподходящие детали паззла, замяв углы", – хочется тебе сказать. И сейчас это все правда, кроме последнего предложения.

Десятью годами ранее, а скорее всего уже больше. Тот же частный сектор, где у людей все как у людей. Забор чуть ярче, а признаки того, что лить под гаражом прямо в землю было нельзя, еще не так отчетливо проявились.

Ты стоишь рядом с воротами. Ты только что проводил свое зеленоглазое сокровище через половину города. Еще обратно идти, и дома ноги будут приятно болеть. Десяток километров в обе стороны – совсем не расстояние, когда речь идет о таком важном для тебя человеке. Дома будет переполнять гордость, а сейчас переполняет добрая грусть – оставлять свое сокровище совершенно не хочется.

– Но я ведь никуда не денусь, – справедливо заявляет девушка.

– А может быть денусь я? – ты не придумал ничего умнее.

Как же много в этой девушке от мамы. Гены по женской линии победили практически все, что могли победить по

мужской. Восточные черты лишь слегка проступают, совершенно не нарушая славянской красоты. Взгляд в упор. С лица почти никогда не сходит улыбка.

Домой тебя не приглашают, потому что уже поздно. Ворота захлопнутся, и ты пошагаешь по темноте обратно, выдумывая новые способы ее удивить и провести с ней лишние часы. Может помочь с чем-нибудь? Это всегда работало. Эта девушка из тех, кого всегда приходится добиваться, сколько бы лет ты с ней ни прожил. А ты с ней еще нисколько не прожил, а потому стараешься вдвойне.

Это одержимость, и временами невероятно токсичная. Одно неловкое слово, которому она и значения не придала, заставляет тебя не спать всю ночь, но на следующий день ты все так же рад ее видеть. Даже еще сильнее. Она обнимет тебя при встрече, и ты робко спросишь у нее, как началось ее утро, хоть она тебе это уже написала.

– Только не отводи взгляд, – шепчешь ты про себя.

Хочется умереть от счастья. Пик за пиком ты подбираешься к перевалу своей гордости, за которым наступит одержимость совершенная. Дальше обожанию будет расти некуда, и ты этого боишься. Для тебя это чувство новое. Незаменимый опыт. И ты уже начинаешь страдать от того, что чувства могут угаснуть или перестать получать ответ. Но ты еще слишком молод, чтобы понять, что безответной любви не существует. Если любовь есть, она получает сигналы. Иногда они не очевидны. И ты пока еще не понял самого главного

– Совершенная Одержимость Не Источает Яд. Но чтобы она такой стала, ее придется отшлифовать, и сейчас ты лишь в начале этого пути.

На Восьмое марта ты принесешь ей прямо в классы восхитительный букет, и за такую пошлость тебя отругает учительница. Но главное, что она – твоя пока несовершенная Одержимость – счастлива.

Стрелки будут вращаться все быстрее и быстрее. В конце концов тебе найдут замену, сделают рокировку, и ты окажешься задвинут в дальний угол на почетную позицию пожизненного товарища, созерцая оттуда, как твоя Одержимость целует другого. Вы даже не поссоритесь – все произойдет само, как часто происходит в этом возрасте. И ты еще слишком юн, чтобы принять это. Не торопись – жизнь не кончается завтра. И одержимость никуда не денется, тут она оказалась права, пока не станет совершенной и не перестанет источать яд. Это ее естественный жизненный цикл. Это ее период полураспада, длительность которого невозможно предугадать заранее.

И вот ты снова здесь – глазеешь на пресс-папье. Ты не ожидал услышать голос Бога, но он снова пришел, чтобы напомнить, что в тебе еще есть те черты, которые бы ты никогда не хотел потерять. Да, благодетели еще с тобой. Но что-то отравило твою душу, не так ли? Мельком вспомнились девушки, с которыми ты просыпался. Они так похожи на нее

– каждая по-своему. Они как элементы одного созвездия, но самая яркая в нем она. Именно по ней и находится в сумерках весь узор, и именно она выводит на новые тропы.

Ты достаешь из ящика стола давно брошенную там бутылку. Из другого ящика достаешь стакан. Ты льешь темную жидкость в стекло, а потом в себя. Снова и снова. Горло не успевает остыть. Ты жадно заливаешь. Ты бесстыден. Одержимость на грани самоуничтожения.

Спустя час вид пустой бутылки приводит тебя в бешенство. Ты слишком пьян, чтобы контролировать свою манию. Ходишь и ходишь из угла в угол. Тебя почти не видно в темноте. Под тобой скрипят новые туфли. Когда-то всего этого у тебя не было, и ты готов все отдать, лишь бы снова вернуться в те дни. Но это невозможно. Можно написать новые в тех же местах и с теми же людьми, и через десяток лет память подменит карты.

Ты подходишь к панорамному стеклу. Под тобой сотни метров до свежего асфальта, аккуратно расчерченного дорожными службами на места для парковки. Здание светится, и ты видишь отголоски этого света. А перед собой видишь город, в котором нет ее – твоей Одержимости.

Ты со злостью берешь стул и впечатываешь его в стекло, но оно лишь упруго содрогается. Ты бьешь еще раз и еще, но оно и не думает разбиваться. Все стекла закрыты и лазеек нет. Все сделано так, что выпасть отсюда ни случайно, ни специально невозможно. Сначала ты не мог смириться с

тем, что звонок был лишь случайностью, а теперь не можешь смириться с тем, что закончить свои страдания не проще, чем их пережить.

Ты бьешь и бьешь по стеклу, пока в голову не приходит мысль о том, что ничего случайного нет. Невозможно случайно набрать номер, который не использовался десятков лет. Фантастика на грани абсурда. Одержимость тоже хотела услышать его голос, но не нашла, что сказать, а ты, дурак, опять повелся, хоть и не в том, чего боялся.

Ты ставишь стул возле спинкой к окну, на котором остались лишь царапины, откидываешься назад, упираясь затылком в стекло. Строишь в черный потолок. Боковое зрение раздражает свет настольной лампы. Пытаешься набрать нужный номер, но трубку уже никто не берет:

– На Урале уже раннее утро. Куда я звоню, дурак? – поругаешь ты себя.

Ты останешься ночевать прямо здесь, чтобы утром, спустя всего лишь несколько часов, проставить остаток подписей и увезти наверх. Утром ты все же дозвонишься до нее, и вы уже не будете друг другу врать, что где-то ошиблись. Вы не хотите искать ошибку, значит, нет никакой ошибки. Ты сделаешь ей самонадеянное предложение, на которое она ничего не ответит. Ты послушаешь ее дыхание в трубке и пообещаешь приехать. И только отключившись, ты поймешь, что период полураспада одержимости завершен. Теперь она совершенна, как тебе и хотелось. Она не вызывает трепета.

Ты больше ее не боишься. Вот она – любовь. Наконец-то она пришла вслед за истерией и маниями. И она уже не требует ответа – она совершенна.

Заново дышать? Это приговор. Сладко пребывать в томительном ожидании того, что не наступит. И прелестно оправдывать этим свои срывы. Отгоняешь эту сиюминутную мысль. Ты выпьешь свой кофе, чтобы хватило сил на дорогу до дома, и, не ответив на вопрос коллеги, откуда взялись царапины на окне, отправишься к лифтам.

Самолет коснется взлетной полосы. Ты коснешься ее плеч. Да, она все так же прекрасна. Пальто на ней другое, но того же цвета, что и десяток лет назад. Чистый изумруд. Да, она все та же, только вот незадача – теперь она для тебя еще лучше, и из средства превратилась в единственно верную цель. Теперь ты готов реализовывать не свои мечты с помощью нее, а ее мечты с помощью себя. Так и проступает совершенство.

Вы оставите ее кредитную иномарку за углом, и ты усадишь ее напротив в дорогом ресторане. Она немного устала от всего:

- А если признаться честно, то устала очень.
- Я знаю, ведь врать у тебя никогда не получалось.

Она пожалуется на то, в чем разочаровалась. Расскажет о том, что не сложилось. Поведает о переоценке. Но тебя это не заденет, нет. Одержимость уже начала второй период сво-

его полураспада, и теперь она созидает.

– А ведь я с единственной мыслью тогда уезжал в Петербург, – откроешься ты. – Я не столько хотел со всем порвать, сколько стать кем-то, тебя достойным.

– Но ты всегда был достойнее меня. В таком случае, тебе пришлось бы опускаться, а ты наверх полез, – девушка шутила и кокетливо улыбалась, накручивая на палец волосы, которые стали еще белоснежнее.

– Я хотел тебе дать все. Я хотел сделать тебя счастливее. Обзавестись планами, которые ты бы захотела разделить.

– И ты все это время любил меня?

– Как сказано в Библии, испившего из этой чаши уже не замучает жажда, – ты понятия не имеешь, написано ли там так, но сочтешь это красивым и убедительным.

И она поймет подлог:

– Я уверена, что ты никогда ее не читал.

В первую секунду ты промолчишь, а потом насмелишься:

– Потому что я имел счастье общаться с Богом лично.

Девушка будет нелепо улыбаться и смотреть тебе прямо в глаза, будто что-то в них забыла. Впервые за много лет ты не отводишь свои. Тебе нравится ее откровенность, нравятся ее пассажи, в которых ты больше не ищешь скрытого смысла. Когда-то таинственный человек вдруг стал понятным. Господь перед тобой сейчас имманентен – трансцендентность растворилась. Господь осязаем. И не от того ли лезут в голову выдуманные отсылки на Библию?

– Как-то я в конечном итоге устала от драмы. И всех отправила туда, где, как мне показалось, им самое место. Счастья, удачи, но как-то теперь без меня.

– И меня туда же за компанию?

– Ну да, – помнется Одержимость.

– Зашибись.

– Ну, нет, не совсем, – вдруг передумает. – С тобой всегда было намного сложнее. Я ведь в глубине души боялась тебя не меньше, чем ты меня.

– Я – тебя?

– Мне и сейчас не свойственно принимать искреннюю любовь.

– Или страсть? Драму?

– Хотя откуда я знаю, что такое любовь? Ладно, опустим. Я боялась тебя.

– Так, – кивнешь ты.

– И я посчитала, что жить в страхе и дискомфорте нельзя.

– А я решил, что мне нельзя жить с кем-то, кроме тебя.

– Это какой-то намек? – удивится девушка.

– Я говорю тебе это открыто. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Ты протянешь ей купленное чуть ли не на бегу кольцо, и она ничего тебе не ответит. Ответят глаза. Одержимость даже не даст тебе самому надеть его на палец – все сделает сама. Кольцо подойдет – это чистая удача. А хотелось купить просто браслет – с ним проще. Но сейчас никаких больше

лишних объяснений – тревожить воздух не нужно.

– Больше не боишься? – спросишь ты, не страшась спугнуть момент.

– За эти годы ты стал меньшим из того, чего я боюсь.

Философия, которую мы не заслужили. Помним, любим, похмеляемся. Вы будете смотреть друг на друга. Вы будете улыбаться. Вы будете молчать. Это золотое молчание. Вино требует выдержки, а после вскрытия бутылки, ему нужно дать подышать. Дышите и наслаждайтесь.

– Ты когда готова уехать?

– Хоть через два часа, – ответит тебе Одержимость.

– Даю полтора.

– Годится.

Она завезет тебя к себе домой. Ты поможешь ей собрать вещи. Складывай так, чтобы не помять, но без фанатизма, и носи в багажник. Черный седан придирчиво тебе улыбнется яркой оптикой. Он тебе пока не доверяет свою хозяйку.

Дверь за спиной навсегда захлопнется. Но именно так звучит свобода. Девушка устала, и хоть ты устал не меньше, все равно усадишь ее на пассажирское и возьмешь все в свои руки. Ты будешь спокоен, как самолет на большой высоте. Спокоен, как верующий солдат за час до наступления. Твоя молитва больше не горяча. Впереди огромная дорога с несколькими ночевками, и это та красивая романтика, которая останется с вами на всю жизнь. Перекрестки, перелески, мосты и тоннели.

Четырем пальцам на правой не достанется кольца. По четыре кольца вращаются на каждом из четырех колес. И пока патрули не проснулись, вы уходите на Е-30, чтобы не стать иконами суррогата. Теперь будет пора сказать вслух, что Совершенная Одержимость Не Источает Яд.

Для одного человека в этом мире слишком много масок. Но однажды каждый зависимый проснется свободным, а ты, поругавшись с револьвером и выстрелив себе в лицо, вопреки всем законам физики, все же промахнешься. И когда сбудутся все мечты, будешь держать ее кисти.